

УДК 81'42

К.А. КОЛЕСНИЧЕНКО

(ksusha_75@list.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ДИСКУРСА СТРАХА (на примере рассказов Ж. Рэя)*

В статье проведен анализ речевых жанров, формирующих собой дискурс страха. Представлена парадигма речевых жанров, основанная на трехчастной классификации, ранее обоснованной в работах Е.И. Беляевой.

Дано объяснение отнесения представленных способов взаимодействия к деструктивному типу общения, а также рассмотрены примеры сложных кластерных эмоционально-когнитивных комплексов.

Ключевые слова: эмоция, дискурс страха, речевой жанр, речевой акт, деструктивное общение, эмоциональный комплекс.

Эмоция страха занимает необычное положение в современном обществе. Несмотря на повышающуюся жестокость новостных сообщений СМИ, можно наблюдать не только толерантность мирового сообщества к восприятию негативных эмоций, но и возрастающий интерес к демонстрации в т. ч. и страха в различных видах искусства. Неизученным остается и вопрос о средствах порождения этой эмоции в художественном тексте. Задачами данного исследования являются рассмотрение и классификация речевых жанров художественного текста, составляющих содержание текстов дискурса страха, а также определение их суггестивного потенциала.

Проблеме речевого жанра уделено много внимания в отечественной и зарубежной лингвистике (Бахтин, 1979; Шмелева, 1990; Вежбицкая, 1997; Долинин, 1997; Серль, 1976; Остин, 1986 и др.). Под речевым жанром мы будем понимать *устойчивый тип высказывания, обусловленный ситуацией общения*. Мы предполагаем, что дискурс страха представляет собой необычную совокупность условий времени, места, взаимоотношений между людьми, способных породить определенный набор речевых жанров, в своей сумме характерных именно для данной ситуации общения.

Проведенный анализ позволил выявить большую группу директивных речевых актов (РА), определяемых как *выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата* (Skinner, 1957). Следуя тройственной структуре, предложенной Е.И. Беляевой, оказалось возможным выделить три группы директивных речевых актов: *прескриптивы, суггестивы и реквестивы*, а также сопутствующие им проявления.

Прескриптивные директивные речевые акты характеризуются обязательностью выполнения действия, а также приоритетностью позиции говорящего. В рассказах Ж. Рэя этот вид речевых актов представлен наиболее широко. Сюда относятся *угроза, шантаж, приказ и ультиматум*. Под угрозой понимается *высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях со стороны говорящего в случае выполнения или невыполнения адресатом каких-либо действий*. Gilchrist, dit la voix, *il faut payer!* – в данном примере угроза выражена при помощи модального глагола *il faut* и смыслового *payer*, который в рассматриваемом случае подразумевает расплату жизнью. Перспектива негативного результата подчеркивается модальностью, а о том, что пресуппозиция высказывания адресатом была понята верно, говорит эмоциональная реакция – *ses yeux s'ouvrirent, fous, démesurés*. Угроза – это попытка изменить деятельность собеседника путем вызова у него чувства страха [5].

Разновидностью угрозы является шантаж, определяемый как *угроза разоблачения с целью вымогательства* [7]. В отличие от угрозы, здесь роль угрожающего не всегда закреплена за более статусным собеседником, она принадлежит тому, кто в данной ситуации обладает какой-либо информаци-

* Работа выполнена под руководством Штебы А.А., кандидата филологических наук, доцента кафедры романской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

ей: *Monsieur Pilgrim, lui dis-je avec beaucoup de douceur, si vous voulez oublier la petite dette que j'eus l'honneur de contracter vis-à-vis de vous, et y ajouter une minime gratification dont je laisse évaluer le montant par votre générosité, mais que je n'estime pas inférieure à dix livres, je ne parlerai à personne de ce que je sais de vous.* О статусности шантажируемого в данном случае говорят обращение, тон, и апелляция к великодушию.

Ультиматум сам по себе не выделяется как вид прескриптива, но мы считаем возможным отнести его в эту категорию, поскольку он определяется как *окончательное требование* [9], в некоторых случаях – *с угрозой применения мер в случае отказа* [4]. Случай окончательно предложения может быть проиллюстрирован следующим примером: *Deux shillings, ou bien filez avec votre palace à mites.* Приоритетная позиция говорящего выражена при помощи стилистически окрашенного глагола *filer*, который в данном случае может быть переведен как проваливать. Приказы в большинстве своем коротки и однообразны: *Taisez-vous!, Tuez-la, Murray, je vous en supplie!* и т. д. Приказ подразумевает наличие строгой социальной иерархии персонажей, следовательно, количество подобных речевых актов может варьироваться в зависимости от тематики литературного произведения.

Суггестивные директивные речевые акты, как и предыдущие, подразумевают приоритетность позиции говорящего, навязывающего адресату действие, исходя из своего опыта или предположений. В данном случае выполнение действия не является обязательным для адресата. Суггестивные речевые акты представлены *предупреждением* и *предложением* с оттенком предостережения. **Предупреждение** представляет собой *косвенное побуждение, содержащее информацию о возможных негативных последствиях для адресата*, при этом сообщающий не является человеком, который может причинить вред: *Moi, les rôdeurs ne me font aucun mal. Voyez-vous ce mur qui longe les usines à coke, et qui se perd dans la nuit éclaboussée par les lumières du port ? Il y a pour sûr deux ou trois de ces messieurs dans ses encoignures. Vous y laisseriez votre portefeuille et votre montre, si vous n'y laissez pas votre peau.* **Предложение** отличается от предупреждения совместностью выполнения предлагаемого действия. Это побуждение к совместному действию, также основанное на опыте и предположениях говорящего. Поскольку директивный речевой акт обычно имеет целью каузацию действия адресата, предложение является комбинацией директива и комиссива, т. е. речевого акта принятия обязательства на себя. Отличительной чертой этого речевого акта является глагольная форма с окончанием *-ons*: *Marchons plus vite. Je sens le fog sur nos talons, car moi je l'entends... Oui, j'entends le brouillard!...* – в данном примере предложение основано на предположении говорящего об опасности тумана.

Третью группу директивных речевых актов составляют *реквестивные* РА, содержащие побуждение к действию в интересах говорящего. Реквестивы характеризуются необязательностью выполнения действия для адресата и отсутствием приоритетности позиции говорящего. Реквестивы представлены *просьбой* и *вопросом*. Просьба представляет собой попытку аргументированного убеждения адресата выполнить действие в интересах говорящего: *Elle sera morte ce soir, et j'aurais voulu mettre cette chaînette avec la petite croix en or autour de son cou – notre mère est partie ainsi, notre grand-mère aussi. Ce serait une consolation...* Просьба заемщика получить украшение для умирающей жены подкреплена аргументом в виде обращения к эмоциям кредитора, поскольку семейный ритуал не может являться обязательным условием для удовлетворения просьбы клиента, что дает возможность этот пример отнести, скорее, к классу прошения, который в качестве отдельного речевого акта выделяется достаточно редко. Так, Дж. Серль отмечает только наличие компонента *потребности* в семантике прошения [6]. Большой эмоциональной силой обладает РА *мольбы*, также являющийся подтипом просьбы и представляющий собой *попытку убеждения, вызванную нежеланием выполнять требуемое действие или же допустить выполнение действия со стороны говорящего*. Мольба редко подкрепляется аргументацией, поскольку произносится в момент сильного волнения: *Gilchrist, <...> assez de crimes!* Что качается речевого акта *вопроса*, среди исследователей нет единого мнения относительно его природы. С одной стороны, в семантической структуре вопроса можно выделить императивный речевой компонент (Sniffer, Searle), и в этом случае вопрос можно было бы определить в группу прескриптивов,

поскольку императив является элементом прямой директивности. С другой же стороны, вопрос имеет в своей основе желание говорящего восполнить пробел в имеющейся информации, а в семантике этого речевого акта нет императивного компонента и, как следствие, не подразумевается обязательность ответа – она существует только как компонент принятой обществом нормы [1], что позволяет отнести вопрос к группе реквестивов. В рассказах жанра ужасов можно встретить обычные вопросы, имеющие целью получение информации: *Un verre d'ale?, Vous aimez Dickens, monsieur?, Où en étions-nous? ..., Que savez-vous de moi?* и т. д. Но наибольший интерес представляют вопросы, содержащие различные виды косвенной директивности, в данном случае были обнаружены *вопрос-запугивание* и *вопрос-насмешка*. *Taisez-vous! <...> Moi, je fais cela pour mon peuple et pour mon Dieu. Quand le moment sera venu de payer mes crimes, je payerai, et peut-être Dieu aura-t-il pitié de son indigne serviteur. Mais vous, Gilchrist, que direz-vous sous l'OEil Formidable?* В этом примере видны сразу несколько речевых актов: приказ, оправдание, обещание, предположение. В вопросе же содержится запугивание, вызванное злостью на собеседника, смешанной с неким видом религиозного страха. Несмотря на то, что запугивание относится к группе речевых актов прямой директивности, в данном случае видно несоответствие этому утверждению, поскольку при прямой коммуникации компоненты высказывания должны соответствовать его коммуникативному смыслу, но сам по себе речевой акт вопроса имеет целью получение информации, что в данном случае не соответствует действительности [3]. Структура и смысл вопроса направлены на вызов эмоции страха у собеседника и на изменение его мнения, что позволяет нам говорить о проявлении косвенной директивности. Вопрос-насмешка обычно направлен на высмеивание собеседника: *Alors, monsieur est venu voir le vieux Thomas Wade? Il a erré de rue en rue, de boue en boue, il a essuyé toutes les injures des voyous de Bethnal Green, et méprisé les rouges convoitées de ceux de Whitechapel pour venir voir ce fou de Thomas Wade dans son malodorant bureau de Bow?* Обращение *monsieur* указывает на более высокий статус того, кому адресован вопрос, но используемые средства позволяют судить о стремлении унизить и высмеять собеседника.

Большую часть рассмотренных речевых актов можно отнести к деструктивному типу общения, имеющему в своей основе целенаправленное и преднамеренное причинение морального вреда, вызывающему негативную эмоциональную реакцию со стороны адресата и чувство удовлетворения со стороны адресанта. Общение можно характеризовать как деструктивное, если оно соответствует пяти критериям, первый из которых – *наличие деструктивной интенции*. По типу доступности деструктивных проявлений для внешнего наблюдения рассмотренные речевые акты (оскорбления, угрозы, шантажа и др.) относятся к ситуации открытого деструктивного поведения, что позволяет говорить о прямом намерении причинить вред собеседнику. Второй из критериев – *наличие отрицательного эмоционального стимула*. Ситуация деструктивного общения характеризуется двумя группами эмоций: эмоциями-стимулами и эмоциями-результатами. Оскорбление вызвано презрением, угроза – ненавистью или гневом, шантаж – завистью (в данном случае – к деньгам). В ответ на это у адресата появляется страх (*Vous n'avez peur de rien, Gilchrist, et cela vous fait blémir et trembler comme un enfant!*), ответная ненависть (*Demain, je vous enverrai l'huissier, dit-il. Ah ça! nous verrons si je suis un saumon!*), презрение (*Taisez-vous! gronda Murray. Moi, je fais cela pour mon peuple et pour mon Dieu. Quand le moment sera venu de payer mes crimes, je payerai <...> Mais vous, Gilchrist, que direz-vous sous l'OEil Formidable?*). Помимо простых эмоций и эмоционально-когнитивных комплексов, оказалось возможным обнаружить сложные кластерные эмоционально-когнитивные комплексы: *страх-гнев, страх-отчаяние* и *страх-отвращение*, доступные для наблюдения в виде прямых наименований и дескрипций эмоциональных состояний. Во всех случаях страх является катализатором остальных процессов: *Malgré tout, il surveille encore âprement ses livres, son coffre-fort; l'éclat rouge, presque insoutenable de son regard les couve jalousement avec une fureur muette, désespérée.* Страх потерять содержимое сейфа вызывает ярость, что в объединении переходит в отчаяние и замыкает круг, повторяющийся ежедневно для существа, ставшего жертвой проклятия и обреченного жить в образе мухи. *L'araignée souffre lamentablement de la faim. De temps en temps, je lui abandonne quelques maigres moustiques,*

car je ne veux pas qu'elle meure. Et, lorsqu'à mes faux continuel, elle a des velléités de révolte, il suffit que je lui crie: « Gilchrist, tu seras privé de mouches aujourd'hui», pour la voir se rouler de désespoir. Hier encore, je lui ai signifié qu'elle serait amputée d'une seconde patte. Je l'avais emprisonnée sous une cloche de verre et, comme je m'approchais avec les ciseaux pour l'exécution projetée, je vis sous elle, immobile, une petite poussière liquide qui brillait. Gilchrist pleurait!... Страх в данном случае не выражен явно, но является логичной реакцией не только на ситуацию в целом, но и на проявления языкового садизма со стороны говорящего, и переходит в отчаяние. *Mais mon coeur sentait l'hôte des ténèbres. <...> Je n'osais pas tourner la tête, mais rien ne bougeait. <...> Mais je n'entendis pas la voix rauque de Dodd et ne sentis pas son écœurante odeur de marée. Et l'ombre, derrière moi, pesait sur ma chair frissonnante, comme la détresse sur mon coeur.* В ситуации появления призрака о страхе говорит описание физиологических проявлений, об отвращении – выражающее отношение адъективное словосочетание *écœurante odeur de marée*. Таким образом, можно говорить о наличии отрицательного стимула.

Следующий критерий – *наличие индикаторов вербальной агрессии или невербальных маркеров враждебности*. Среди наиболее явных лексических маркеров враждебности можно отметить оскорбительное словоупотребление: *une créature immonde, un âne damné et un insolent, canailles* и т. д. Среди лексико-семантических маркеров можно говорить о наличии такого использования слов, при котором контекст не дает возможности определить истинное значение, в котором слово было употреблено: *Gilchrist, dit la voix, il faut payer!* В приведенном примере остается неясным, что имел в виду угрожающий человек под глаголом платить. Речь может идти как о необходимости вернуть долг в прямом значении, так и о возможности расплаты жизнью за что-то. К грамматическим маркерам конфликтного взаимодействия можно отнести неуместное по статусу обращение и обращение к собеседнику местоимением в форме единственного числа третьего лица [8]: *Alors, monsieur est venu voir le vieux Thomas Wade? Il a erré de rue en rue, de boue en boue, il a essuyé toutes les injures des voyous de Bethnal Green, <...>?*

Четвертый критерий – *отрицательная реакция адресата*. Как было сказано ранее, ответной реакцией могут являться страх, ответная ненависть или презрение.

Последний критерий – *положительная реакция адресанта*. Согласно мнению Ч. Тейлора, если цель коммуникации достигнута, можно говорить о реализации изначального намерения. Т. е., если оскорбление нашло своего адресата, можно утверждать, что и намерение – причинение психологического вреда с целью собственного удовлетворения – достигнуто [2].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о возможности утверждения дискурса страха в качестве обладающего собственными особенностями реализации на уровне речевого жанра, что обуславливается совокупностью характеристик времени, места и ситуации общения.

Литература

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1992.
2. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореферат дис. ... доктора филол. наук. Волгоград. 2014.
3. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис. 2006.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо. 2006.
5. Нестерова Н.Н., Рабенко Т.Г. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы // Юрислингвистика–8: Русский язык и современное российское право. Межвузовский сборник научных статей. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2007. С. 235–244.
6. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986.
7. Стеклова Т.И. Угроза как речевой жанр // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ Колледж. 1997. С. 6–7.
8. Третьякова В.С. Конфликтное функционирование языка // Юрислингвистика–8: Русский язык и современное российское право. Межвузовский сборник научных статей. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2007. С. 286–293.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание В.И. Губинского. 1910.

KOLESNICHENKO K.A.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

***GENRE FEATURES OF TEXTS OF THE DISCOURSE OF FEAR
(on the example of J. Ray's Stories)***

The article deals with analysis of speech genres, which form the discourse of fear. The paradigm of speech genres is presented on the basis of three-part classification offered by E. Belyaeva. In the article we also explain the reference between presented ways of interaction and destructive type of communication. Examples of difficult cluster emotional complexes are reviewed.

Key words: emotion, fear discourse, speech genre, speech act, destructive communication, emotional complex.